

УДК 94(430).085

Е. О. Филатова,

факультет истории, философии и права

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. ист. наук, доц. И. В. Цыганова

«Катастрофа под вывеской налаженной жизни»: повседневность Берлина в первые годы Веймарской республики

Аннотация. В статье на основе анализа воспоминаний И. Эренбурга и С. Хафнера выявляются повседневные практики жителей Берлина периода ранней Веймарской республики. Автор приходит к выводу, что главным стремлением берлинцев было выжить в условиях разрухи и сохранить при этом видимость нормального быта.

Ключевые слова: Веймарская республика, Берлин, повседневность, Илья Эренбург, Себастьян Хафнер.

Тема повседневности Веймарской республики изучена мало в сравнении с другими аспектами данного периода, в частности, из-за того, что история повседневности — наука молодая. Среди авторов, освещавших эту тему, в первую очередь следует упомянуть немецкого историка А. Людтке, заложившего основы исследования германской повседневности, а также российских авторов — И. Я. Биска, А. П. Вырупаеву, Т. Ю. Тимофееву и др.

Своей целью автор статьи ставит выявление повседневных практик жителей Берлина в период ранней Веймарской республики. Источниками для подготовки исследования послужили воспоминания современников, проживавших в этот период в столице Германии — это советский писатель и журналист Илья Эренбург, который находился в Берлине с 1921 по 1924 гг. в эмиграции, и Себастьян Хафнер, немецкий журналист, публицист и историк, родившийся в Берлине в 1907 г.

Первые годы существования Веймарской республики можно охарактеризовать как противоречивое время: с одной стороны, это было освобождение страны от войны, с другой — для немцев это было время острого ощущения на себе ее последствий, а с третьей — период, когда люди пытались жить так, будто это было мирное и безопасное время. Осенью 1921 г. И. Эренбург впервые с начала существования Веймарской республики посетил Берлин. Картина увиденного им была весьма неоднозначной. В городе были большие бытовые проблемы: «*Лифты работали; но в квартирах было холодно и голодно*», — пишет Эренбург [3, с. 383]. «*...В школе отменили вторую смену: не хватало*

угля, чтобы отапливать все школы», — вспоминает С. Хафнер [2]. В бедных кварталах громили магазины, а в стране бушевала грандиозных размеров инфляция, но рабочие всё также шли на работу, школьники изучали былые подвиги и заслуги своей страны, а журналисты писали о голоде в России [3, с. 383]. По-прежнему ходили трамваи, работали метро и лифты... Жители Берлина, казалось, привыкли к обычной жизни: «*...Протезы инвалидов не стучали, а пустые рукава были заколоты булавками. Люди с лицами, обожженными огнеметами, носили большие черные очки. Проходя по улицам столицы, проигранная война не забывала о камуфляже*» [3, с. 383]. Складывалось впечатление, отмечает И. Эренбург, что глобально «*всё было чинно, по-хорошему, почти как при кайзере*» и совершенно «*не мешало немцам выдавать катастрофу за естественную, хорошо налаженную жизнь*» [3, с. 383].

Указывает автор также на то, что Берлин западный и восточный уже тогда заметно отличались — в западной части города, по словам советского журналиста, встречались французские товары, которые шиберы (так называли новых богачей), вопреки патриотизму, не брезговали приобретать. И Эренбург объясняет это жадной наживы, заглушавшей патриотизм: «*... жене шибера не приходилось ломать себе голову над вопросом, где купить духи Герлена: патриотизм отступал перед жадной наживы*» [3, с. 385]. Совершенно другая ситуация разворачивалась в восточном Берлине, который на контрасте богатого западного Берлина представлялся в гораздо более печальном свете: «*Там не торговали долларами и не оплакивали*

кайзера. Там люди жили впроголодь, работали и ждали, когда же разразится революция». Также И. Эренбург пишет о демонстрациях: «Я видел несколько демонстраций. Шли ряды хмурых людей, подымали кулаки» [3, с. 386]. Из этого следует, что в северном и восточном Берлине в большей мере преобладал дух революции, и судя по всему, именно коммунистической, ведь заводы в Берлине располагались именно с восточной стороны — отсюда и разница между двумя окраинами германской столицы: западная сторона облюбована богачами, а восточная сплошь состоит из рабочего класса, ждущего революции, отмечал автор [3, с. 386].

В этот период достаточно благоприятно жизнь складывалась для молодежи, которая была более приспособлена быстро реагировать на меняющуюся ситуацию, нежели их отцы — старшее поколение, вследствие чего большая часть денежных средств оказалась сосредоточенной именно в их руках. С. Хафнер вспоминает: «Внезапно появилось множество баров и ночных клубов. Юные парочки толпились в кварталах развлечений...» [2]. Это свидетельствовало о том, что теперь многие виды досуга были направлены именно на запросы молодежи. Но слова С. Хафнера о голодающих стариках и имеющих деньги детях не находят подтверждения в мемуарах И. Эренбурга, который рассказывает о том, как родители и их молодые отпрыски пытались заработать себе на жизнь, порой жертвуя честью и достоинством: «Потом пришли две дочери хозяина, голые, и начали танцевать... Мать с надеждой поглядывала на иностранных гостей: может быть, они соблазнятся ее дочками и заплатят» [3, с. 383]. Этот эпизод иллюстрирует весьма плачевное положение как старшего поколения, так и молодого, а успешность молодежи, описанная С. Хафнером, была скорее исключением, нежели общим правилом.

Подобным образом эта иллюзия налаженной жизни достигалась и в рационе питания, и в товарах бытовой необходимости, так как часть доступных в то время продуктов состояла из заменителей, порой даже казавшихся совершенно несъедобными: «Речные, морские ракушки, доставляемые целыми вагонами, приготовленные в виде желе, студня, паштеты, колбасы. Профессора, открывшие питательность древесной коры и доказав-

шие, что можно разводить грибы в кровельных желобах, уверяли, что эти ракушки превосходят по питательности даже мясо» [1, с. 95]. Схожую ситуацию с питанием описывает в своих воспоминаниях И. Эренбург: «Пирожные делали из мерзлой картошки. Берлинцы, как и прежде, курили сигары, и назывались они “гаванскими” или “бразильскими”, хотя были сделаны из капустных листьев, пропитанных никотином», также автор упоминает об аналоге шампанского — лимонаде с примесью спирта [3, с. 383]. В газетах предлагалось приобрести датский маргарин, так как он был таким же по вкусу, как масло, но в два раза дешевле.

Всё же уставшим, измученным войной людям хотелось радости, праздника или хотя бы видимости такового. В воспоминаниях И. Эренбурга присутствует такая запись: «В Берлине в 1922 г. было множество танцулек; растерянные полуголодные немки и немцы часами танцевали входивший в моду фокстрот...» [3, с. 409]. Голод, сопутствовавший обычному немцу ежедневно, никуда не пропал, а потому танцы давались людям тяжело, но они продолжали танцевать — «...до изнеможения, танцевали старательно, будто выполняли тяжелую работу» [3, с. 386]. Также у берлинцев не пропал интерес к литературе и театру — в газетах рядом с колонками о проблемах экономики и правительства висели рецензии на отечественные книги, в «Немецком театре» продолжали выходить театральные постановки.

Таким образом, анализ воспоминаний И. Эренбурга и С. Хафнера дает нам возможность взглянуть на повседневную жизнь жителя Берлина глазами очевидцев, рассмотреть то, что не всегда расскажут официальные документы из государственных архивов. По этим материалам мы можем проследить жизнь так называемого «маленького человека», которому стоило больших усилий поддерживать видимость налаженного быта. В погоне за атрибутами благополучия или хотя бы сытой жизни люди были готовы идти на превышающие их возможности и нарушающие их мораль поступки. Все их усилия были направлены на поддержание образа немца как человека, справляющегося с трудностями, живущего в достатке, а на самом деле просто пытавшегося продолжать свою размеренную жизнь в условиях катастрофического хаоса.

1. Келлерман Б. Избранные сочинения. I: Девятое ноября / под общ. ред. Д. М. Горфинкеля. — Л. : Время, 1934. — 346 с.

3. Хафнер С. Биография одного немца. Воспоминания 1914–1933 гг. // Иностранная литература. — 2002. — № 2. — С. 199–233.

2. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Воспоминания в трех томах : Том 1. — М. : Советский писатель, 1990. — 640 с.